

СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВ

“РУССКИЙ ДЕРВИШ”, ИЛИ ВЕЛИМИР ХЛЕБНИКОВ В ПЕРСИИ

Я живу на грани России и Персии, куда меня очень тянет. На Кавказе летом будет очень хорошо, и я никуда не собираюсь выезжать из него. Снимаю с себя чалму Эльбруса и кланяюсь мощам Москвы.

“У гения своя дорога”

Место рождения поэта всегда скрывает в себе некую тайну пробуждения поэтической энергии, которая проявляет себя по-настоящему только через много-много лет. Так случилось и с русским поэтом Велимиром Хлебниковым, одной из самой загадочных фигур в истории отечественной поэзии, которому суждено было появиться на свет на перекрёстке разных культур и религий, на стыке Запада и Востока. Сам поэт так вспоминал об этом: “Родился 28 октября ст<арого> ст<илия> 1885 года в стане монгольских, исповедующих Будду кочевников – имя “Ханская ставка”, в степи – высохшем дне исчезающего Каспийского моря... Вступил в брачные узы со Смертью и, таким образом, женат”. Отец поэта Владимир Алексеевич – учёный, лесовед, орнитолог – служил тогда попечителем Малодербетовского улуса управления калмыцким народом и, как писал впоследствии его сын:

*Меня окружали степь, цветы, ревучие верблюды,
Круглообразные кибитки,
Моря овец, чьи лица однообразно худы,
Огнём крыла пестрящие простор удодаы —
Пустыни неба гордые пожитки...*

По долгу службы отец поэта постоянно переезжал с семьёй, сначала на Волынщину, потом в Симбирскую губернию, а затем в Казань и Астрахань, заложив в судьбе поэта стойкую странническую струю, причём такую явную, что она вызывала удивление у многих знавших поэта. Так, В. Маяковский вспоминал: “Ездил Хлебников очень часто. Ни причин, ни сроков его поездок

нельзя было понять. Года три назад мне удалось с огромным трудом устроить платное печатание его рукописей. Накануне... я встретил его на Театральной площади с чемоданчиком. “Куда вы?” – “На юг, весна!..” – и уехал. Уехал на крыше вагона”.

“У гения своя дорога”, – сказал как-то сам о себе Хлебников, чья страсть к путешествиям часто переходила всякие границы разумного. Художница Нина Коган, почитательница поэта, спросила его однажды, каждый ли поэт может написать по-настоящему хорошие стихи? “Стихи, – ответил Хлебников, – это всё равно, что путешествие, нужно быть там, где до сих пор ещё никто не был”. Получается, что постоянные разъезды, внезапные отлучки и исчезновения были для Хлебникова продолжением его творческого поиска, ради которого поэт готов был объехать весь свет, хотя бы на крыше вагона, или даже обойти его пешком. Во время Первой мировой войны призванный в армию поэт призвался: “Меня давно зовут “оно”, а не он. Я дервиш, йог, марсианин, что угодно, но не рядовой пехотного запасного полка”. Он однажды очень просто сформулировал свою главную мечту: “Я хотел издали, как гряду облаков, как дальний хребет, увидеть весь человеческий род”.

С 1917 года Хлебников постоянно находился в гуще революционных событий. О том годе он писал: “Это было сумасшедшее лето, когда после долгой неволи в запасном пехотном полку, отгороженном забором из колючей проволоки от остальных людей... я испытывал настоящий голод пространства, и на поездах, увешанных людьми... проехал два раза туда и обратно, путь Харьков–Киев–Петроград. Зачем? Сам не знаю”. А потом в 1917–1919 годах последовали странствия поэта с одним вещевым мешком, заполненным рукописями стихов и рисунками, в Москву, Петроград, Киев, Таганрог, Царицын, Нижний Новгород, Казань, Астрахань, Харьков. Поэт собственными глазами видел все стороны разбушевавшейся в стране стихии – от энтузиазма масс до голода, холода, крови, красного террора и бесчинств белых (чтобы избежать призыва в белую армию, поэт фактически спасался в Харькове в психиатрической лечебнице), но он всё равно не разочаровался в революции, видя в ней нечто тектоническое и вселенское.

Поэта, постоянно интересовавшегося событиями на всём земном шаре и отражавшего в своём творчестве, к примеру, цивилизацию индейцев и завоевание Америки испанцами, африканские коллизии и историю Индии, больше всего влёл к себе загадочный Восток. На переломе 1918–1919 годов, мечтая о путешествии в Персию и Индию, Хлебников написал в Астрахани повесть “Есир”, в которой, окунувшись во времена Степана Разина, провёл своего героя, астраханского рыбака Истома, путями “хожения за три моря” Афанасия Никитина, через Кавказ, Персию, Индию и Яву. Пройдя в поисках истины полмира, Истома вернулся к исходной точке: “Когда его сильно потянуло на Родину, он вернулся вместе с одним караваном, посетил свой остров, но ничего не нашёл, кроме сломанного весла, которым когда-то правил. Грустно постоять над знакомыми волнами, Истома двинулся дальше. Куда? – он сам не знал”.

Проживая долгое время в Астрахани, поэт считал её “окном в Персию и Индию”, местом, “где смотрит Африкой Россия”, “где дышит в башнях Ассирия”, где “чалмы зелёные толпой... бродят в праздник мусульман”, где “мечеть и храм несёт низина”. Именно здесь он узнал, что такое ислам, увидев в нём и “русские черты”:

*Как знамя мы молодость в бурю возвысим,
Рукой огневою начертим мы смех.
Ах, мусульмане те же русские,
И русским может быть ислам.
“Хаджи-Тархан” (1913)*

Тема Востока пестрит во многих произведениях Хлебникова. Так, стержнем фантастической повести “Ка” стала история двух влюблённых, сюжет которой получил известность благодаря поэме Низами “Лейли и Меджнун” (1188). И опять действие повести происходит в Египте, Абиссинии, Персии, Индии и других даях. Поэт вообще считал историю ключом к познанию мира: “Мы должны уметь читать знаки, начертанные на страницах прошлого, чтобы освободиться от роковой черты между прошлым и будущим...”

На пути к Персии

1 сентября 1920 года в Баку начал работу Первый съезд народов Востока. Хлебников повезло получить от Харьковского политпросвета командировку в Баку и попасть на съезд, который оказал на поэта сильное влияние, воодушевив его выполнить, наконец, свою мечту и посетить Персию, ведь ещё 13 июля того же года поэт записал в своём дневнике: “Вышел “Ладомир”. Хотел ехать в Персию”. Под впечатлением съезда народов Востока Хлебников как бы предвидел своё будущее:

*Видите, персы, вот я иду
По Синвату к вам.
Мост ветров подо мной.
Я Гушедар-мах,
Я Гушедар-мах, пророк
Века сего и несу в руке
Фрашокёreti (мир будущего).
...Клянёмся золотыми устами Заратустры —
Персия будет советской страной.
Так говорит пророк!*

Однако путь в Персию в судьбе поэта лежал через новые поездки в Ростов-на-Дону, Армавир, дагестанский аул вблизи Дербента и снова в Баку. Зачисленный в библиотечно-лекторский отдел политпросвета Каспийской флотилии, Хлебников жил в морском общежитии, выступал с лекциями, занимался разносторонним творчеством, вызывая у окружающих постоянное удивление своим странным видом. Как вспоминала Т. Вечорка, “его видят то босым, то в дырявых ботинках с разматывающимися обмотками: высокий человек с большой рыжеватой гривой волос, в рваном полувоенном ватнике и с толстой бухгалтерской книгой под мышкой”. В декабре 1920 года Хлебников выступил в Баку со своим докладом “Коран чисел”, в котором сформулировал главные положения своего “основного закона времени”. Отныне все свои записи он хранил в солдатском жестяном сундучке, с которым никогда не расставался.

“Здесь на Кавказе хорошо, и я поселюсь на всю жизнь где-нибудь в Сочи или в Дербенте. Зимовать буду в Баку”, — писал поэт в ноябре 1920 года. А в феврале 1921 года он обращался к В. Маяковскому: “Я живу на грани России и Персии, куда меня очень тянет. На Кавказе летом будет очень хорошо, и я никуда не собираюсь выезжать из него. Снимаю с себя чалму Эльбруса и кланяюсь мощам Москвы”. Несомненно, что тяга к Ирану была вызвана у Хлебникова в том числе и интересом к фигуре А. Грибоедова, нашедшего там свою гибель. Как вспоминал лингвист Роман Якобсон, “на вопрос мой, поставленный напрямик, каких русских поэтов он любит, Хлебников отвечал: “Грибоедова и Алексея Толстого”. В творениях поэта вообще, по утверждениям филологов, присутствует немало созвучий и откликов на грибоедовское творчество.

А ситуация в Иране тем временем всё больше приближала встречу с ним Хлебникова. Дело в том, что ещё в апреле 1920 года по всему Северному Ирану поднялось широкое восстание против иранского правительства и поддерживавших его англичан, а 17 мая из Баку вышла Волжско-Каспийская военная флотилия под командованием Фёдора Раскольниковца и Серго Орджоникидзе и взяла курс на Энзели, где находились корабли, уведенные денкикинцами из России. Вскоре начались боевые действия, англичане и белогвардейцы отступили. Воспользовавшись моментом, 4 июня 1920 года отряды восставших сил под командованием Мирзы Кучук-хана взяли город Решт — столицу остан Гиян, а 5 июня после переговоров с советскими представителями там же была провозглашена Гилянская Советская республика. Были сформированы Реввоенсовет республики, правительство и армия, главой республики был назначен Кучук-хан. Однако вскоре последний поссорился с коммунистами, ушёл из Решта, а к власти в Гиляне пришёл Национальный комитет во главе с Эхсаноллой-ханом. Армия республики предприняла наступление на соседнюю провинцию Зенджан с дальнейшей перспективой взять Тегеран, но была отброшена иранскими войсками.

О трагической судьбе первого вождя Гилянской республики Мирзы Кучук-хана Хлебников вспоминал в 1922 году, незадолго до своей смерти: “Я узнал,

что Кучук-хан, разбитый наголову своим противником, бежал в горы, чтобы увидеть снежную смерть, и там, вместе с остатками войск, замёрз во время снеговой бури на вершинах Ирана. Воины пошли в горы и у замороженного трупа отрубили жречески прекрасную голову и, воткнув на копьё, понесли в долины и получили от шаха обещанные 10 000 туманов награды”.

В сентябре 1920 года правительство РСФСР приняло решение о сворачивании своей военной операции в Иране и приступило к переговорам с шахским правительством. 26 февраля 1921 года был заключён советско-иранский договор о постепенном выводе советских войск. Согласно договору, они начали покидать Гилян с апреля и были полностью выведены к 8 сентября 1921 года. Однако в начале этого года на помощь Гилянской республике из Баку направляются военные части сформированной Персармии (кстати, комиссаром штаба этой армии стал авантюрист Я. Г. Блюмкин, убивший в 1918 году немецкого посла Мирбаха), а вместе с ними туда едут журналисты, художники, лекторы и другие гражданские лица, прикомандированные к военным. В эту группу попадает в качестве лектора и Хлебников, а вместе с ним — талантливый художник Мечислав Доброковский, который сдружился с поэтом ещё в Баку.

На персидской земле

13 апреля 1921 года на пароходе “Курск” Хлебников отплывает в Персию. О восторге, который испытывал поэт, свидетельствует его письмо В. В. Хлебниковой: “Знамя Председателей Земного Шара, всюду следующее за мной, развеивается сейчас в Персии. 13/IV я получил право выезда... плыл на юг к синим берегам Персии. Покрытые снежным серебром вершины гор походили на глаза пророка, спрятанные в бровях облаков. Снежные узоры вершин походили на работу строгой мысли в глубине божиих глаз... Синее чудо Персии стояло над морем, висело над бесконечным шёлком красно-жёлтых волн, напоминая об очах судьбы другого мира... Уезжая из Баку, я занялся изучением Мирза-Баба, персидского пророка, и о нём буду читать здесь для персов и русских: “Мирза-Баба и Иисус”. Персам я сказал, что я русский пророк”.

Поэт прибывает в Энзели и ступает на персидскую землю. Очарованный увиденным, он восторженно пишет: “Энзели встретило меня чудным полднем Италии. Серебряные видения гор голубым призраком стояли выше облаков, вознося свои снежные венцы. Чёрные морские вороны с горбатыми шеями чёрной цепью подымались с моря. Здесь смешались речная и морская струя, и вода зелёно-жёлтого цвета. Закусив дикой кабаниной, сабзой и рисом, мы бросились осматривать узкие японские улицы Энзели, бани в зелёных изразцах, мечети, круглые башни прежних столетий в зелёном мху и золотые сморщенные яблоки в голубой листве.

Осень золотыми каплями выступила на коже этих золотых солнышек Персии, для которых зелёное дерево служит небом. Это многоокое золотыми солнцами небо садов подымается над каменной стеной каждого сада, а рядом бродят чадры с чёрными глубокими глазами. Я бросился к морю слушать его священный говор, я пел, смущая персов, и после 1½ часа боролся и барахтался с водяными братьями, пока звон зубов не напомнил, что пора одеваться...”

Литератор и будущий филолог М. С. Альтман, также работавший в КавРОСТА и посещавший ещё в 1920 году Персию с пропагандистскими задачами, вспоминал: “Как-то после моего возвращения из Персии в Баку я встретил Хлебникова грустно бредущим по берегу Каспия.

— Отчего вы в грустях, Велимир?

— Хочу в Персию: все едут, а я вот один не еду.

Вскоре, впрочем, поехал и он. О его “прибытии” в Персию мне... рассказали следующее. Уже очень близко от входа в порт Энзели, там, где капитан русского корабля сдаёт управление персидскому лоцману и при этом, естественно, происходит некоторая задержка, Хлебников, горя нетерпением скорее вступить на легендарную персидскую землю, каким-то способом спустился с парохода и по воде в одежде добрался до берега! Рассказ явно фантастический, и за его достоверность я отнюдь не ручаюсь. Привожу его лишь, чтобы показать, каким Хлебникова представляли близко его знавшие и какими он уже при жизни обрстал легендами”.

М. С. Альтман совершенно прав, что стремление увидеть Персию подпитывалось рассказами многих друзей и знакомых Хлебникова, которым уда-

лось побывать там раньше него. А это были и Василий Каменский, и Сергей Городецкий, и А. О. Моргулис, и Вячеслав Иванов, и тот же М. С. Альтман.

Хлебникову выпало провести на иранской земле всего лишь три с половиной месяца, но какое колоссальное воздействие это время оказало на его творчество и взгляды. Постоянных обязанностей у поэта тогда не было, и он окунулся в атмосферу незнакомой жизни, постигая приметы иранского бытия и восхищаясь богатством местной природы. В своей “Иранской песне” он смачно описывал моменты этой счастливой для него жизни:

*Как по речке по Ирану,
По его зелёным струям,
По его глубоким сваям,
Сладкой около воды,
Вышло двое чудаков
На охоту судаков.
Они целят рыбе в лоб,
Стой, голубушка, стоп!
Они ходят, приговаривают.
Верю, память не соврёт,
Уху варят и поваривают...
Верю сказкам наперёд:
Прежде сказки — станут былью...*

Из Энзели Персармия направилась в Решт, чтобы потом наступать на Тегеран. В Реште на русском языке выходила газета Персармии “Красный Иран” с приложением “Литературный листок”. Сотрудником этой газеты и стал Хлебников. Член редколлегии газеты А. Е. Костерин (1896–1972) вспоминал: “Поздним утром, когда солнце уже изрядно прогрело лабиринт узких улиц, я шёл к себе в редакцию газеты... На площадке-пяточке, где узелком перехлестнулись пять червеобразных улочек, заметил я очень странного человека: высокий, плечистый, с обнажённой головой. Спутанные, нечёсанные волосы ниспадали почти до плеч. На нём длиннополый сюртук, а из-под сюртука выглядывали длинные ноги в узких штанах из рыжей персидской домоткани...”

На другой день в редакцию неожиданно вошёл тот странный человек, которого я увидел в узле рештских улиц. Высокий и сутуловатый, он молча, неторопливо прошагал босыми ногами по ковру, положил на стол несколько листиков бумаги и сказал:

– Вот... стихи...

Повернулся и так же неторопливо вышел. Мы оба – редактор и секретарь – удивлённо переглянувшись, тотчас же взяли листки. Под стихами была краткая и не менее странная, чем сам посетитель, подпись – “Хлебни”. Стихи поэта стали часто появляться в газете. “Я сотрудник русского еженедельника на пустынном берегу Персии”, – писал он родным.

Как вспоминал Костерин, многие революционеры не понимали стихов Хлебникова и просили больше не печатать его в газете. Они говорили Костерину: “Ну-с, товарищ редактор, а сам ты понимаешь эти стихи? Я признавался, что понимаю плохо, но настаивал на своём тезисе: “Далеко не всегда произведения искусства познаются разумом”... Он приносил стихи всё так же молчаливо и отчуждённо, войдёт в нашу единственную комнату, положит листки стихов и уйдёт. И ни разу не удостоил нас хотя бы краткой беседой. Настолько это было странное общение, что я, например, не могу вспомнить, какой тембр голоса был у Хлебникова.

Только с Доброковским он о чём-то говорил и часто ходил с ним по городу, вызывая у персов некое почти религиозное уважение. В одном стиле с ним был Доброковский, ходивший в какой-то цветастой кофте с махорками и такой же длинноволосый. Кофту Доброковский, кажется, взял из цирковой костюмерной, захваченной моряками-балтийцами...”

Причуды “русского дервиша”

В Персии Хлебников, привыкший ранее за свои чудачества получать лишь насмешки и презрение, вдруг почувствовал себя “в своей тарелке”, здесь люди воспринимали странствующих бедняков, всяких чудаков и оригиналов как

уважаемых личностей, как дервишей. И в поэте многие местные жители стали узнавать именно дервиша, прозвав его Гуль-муллой. Однажды Хлебников провёл целую ночь в сакле на полу с местным дервишем, который читал поэту Коран и подарил ему посох, шапку и шерстяные носки, которые, правда, вскоре у поэта украли.

А. Костерин в очерке “Русские дервиши” вспоминал: “Хлебников и Доброковский часто сидели или возлежали в какой-либо чайхане, курили терьяк и пили крепкий чай. Доброковский рисовал портреты всем желающим, не торгуясь и даже не спрашивая платы. Заказчики сами клали около “русских дервишей” серебро. Доброковский с поразительным равнодушием так же легко выбрасывал это серебро за терьяк или водку. Он обладал изумительной памятью и очень быстро научился болтать по-персидски. Во время болтовни Доброковского с персами Хлебников, углубившись в себя и беззвучно шевеля губами, обычно молчал и, как мне кажется, именно в это время в его голове зрели строчки будущих стихов.

Такое поведение создало и Хлебникову и Доброковскому славу “русских дервишей”, священных людей. Накурившись терьяку, оба так и оставались ночевать в чайхане... Несмотря на странность этих штатных агитаторов, Реввоенсовет армии справедливо считал их совершенно необходимыми работниками. В религиозных и бытовых в условиях того времени, при настороженном внимании к русским революционерам, несущим на своих знамёнах совершенно необычайные лозунги, “русские дервиши” каким-то трудно объяснимым образом усиливали наши политические позиции”.

Испытывая творческий подъём, поэт создал целый цикл иранских стихотворений: “Пасха в Энзели”, “Навруз Труда”, “Кавэ-кузнец”, “Иранская песня”, “Курильщик Ширы”, “Дуб в Персии”, “Ночь в Персии”, “С утробой медною”, “Юноша”, “Ночи запах — эти звёзды...”, “Воздушный воздух...”, “Стеклянный шест покоя...”, “Видите, персы...” и т. д. Тогда же он начал писать поэму “Труба Гуль-муллы”, во многом автобиографичную, в которой автор нашёл своего героя, Гуль-муллу, “священника цветов”, “русского дервиша”. Позднее похожий автобиографический образ Хлебников развивает в своей повести “Зангези”, в которой главным героем выступает пророк, мудрец и проповедник. Поэт успеет в 1922 году подготовить эту книгу к печати, но уже не увидит её изданной.

В своей литературной автобиографии “Своися” (1919) Хлебников призвал: “Заклинаю художников будущего вести точные дневники своего духа: смотреть на себя, как на небо, и вести точные записи восхода и захода звёзд своего духа”.

А вот слова прощания с Персией:

Прощайте все!

*Прощайте, вечера, когда ночные боги, седые пастухи,
в деревни золотые вели свои стада.*

*Бежали буйволы, и запах молока вздымался деревом на небо
и к тучам шёл.*

*Прощайте, чёрно-синие глаза у буйволиц за чёрною
решёткою ресниц,*

*Откуда лились лучи материнства и на телёнка, и на людей.
“Ручей с холодной водой...”*

В это время ситуация в Гиляне обострялась. Эхсанолла-хан, на помощь которому шла Персармия, самовольно двинул свои войска на Тегеран и занял деревню Шахсевар на берегу моря, куда части Персармии добрались морем в начале июля. В составе прибывших были и Хлебников с Доброковским, которые, по словам Костерина, тут же “обосновались в чайхане, где их бесплатно кормили, поили крепким чаем и давали курить терьяк. Около них всегда толпился народ. Доброковский рисовал портреты, карикатуры на Реза-хана, на англичан и на языке фарси развяснял слушателям программу Эхсаноллы. Хлебников или сидел тут же, присматриваясь к посетителям и прислушиваясь к разговорам Доброковского, или же бродил по ближайшим окрестностям”. При этом он изучал персидский язык, знакомился с концепциями Заратуштры, Маздака, Мирзы-Баба и других вероучителей и пророков Востока. Здесь

поэту удалось сполна реализовать продекларированную им ещё в 1918 году программу жизни свободного речаря: он “бродил и пел”.

Как признавался поэт, “я в далёкой Персии, на берегу моря в порту Шахсевара, вместе с русским отрядом. Живётся здесь скучно, дела никакого, общество — искатели приключений, авантюристы шаек Америго Веспуччи и Фердинанда Кортеса. Зато в смысле продовольствия здесь никаких затруднений”. Однако вскоре Хлебников нанялся к Талышскому хану в качестве воспитателя его детей, проработав так почти месяц. Его поразили и нравы, и внешний вид ханского дворца, и неизвестно, сколько бы ещё проработал так поэт, если бы Саад-эд-Доуле, главнокомандующий революционных войск, двигавшихся на Тегеран, не совершил измену. Утром 25 июля его люди захватили работников штаба Персармии, в том числе Доброковского и Хлебникова. Скоро предателя выбили из Шахсевара. “Мы вернули своё имущество, — писал Костерин, — освободили арестованных. Но Хлебников накануне нашего наступления один ушёл в Решт, и никто — ни ханы, ни офицеры Реза-хана — не посмели задержать “русского дервиша”. Его охраняло всенародное почтение и уважение. Босой, лохматый, в рваной рубахе и штанах с оторванной штаниной до колена, он спокойно шествовал по берегу моря от деревни к деревне. И крестьяне охотно оказывали ему гостеприимство”.

Странствуя, Хлебников часто спал на голой земле, плохо питался, и это потом не могло не сказаться на его здоровье. Он не хотел покидать Персию, но всё же решил после нескольких приключений, в том числе очередного ареста вооружёнными людьми, догонять своих. Как объяснял он позже, он решил уехать, потому что Персия давила его “древностью своей многовековой культуры”. Ему следовало набраться новых сил. И, конечно, ни о каком первоначальном плане идти до Индии ему нечего было и думать. “На одном переходе, — вспоминал Костерин, — я с командиром Марком Смирновым опередил отряд. На пустынной отмели, по пояс в море, мы увидели голого человека. Он стоял неподвижно и смотрел в опаловую даль моря. Лёгкий ветерок трепал длинные волосы. Смирнов придержал коня и с усмешкой сказал:

— А ведь это наш поэт. Смотри-ка, идёт, как по лугам своей деревни. И никто его не тронет, и везде кормят...” Вскоре весь отряд вместе с Хлебниковым на пароходе “Опыт” переправился в Энзели и на следующий день был в Баку.

Возвращение в Россию

Вернувшись в столице Азербайджана к обычной жизни, поэт стал всё чаще ощущать признаки лихорадки, которая менее чем через год сведёт его в могилу. Но он продолжал активно писать и в стихах, и в прозе, вспоминая о пребывании в Персии, к примеру, в черновых набросках очерка “Разин напротив” и в очерке “Ветка вербы”. Свой персидский опыт поэт ярко отразил в образе “одиноким лицеведем”, “вечернего странника”, который “влячился по пустыне”, “шагая напролом”,

*Во сне над пропастями прыгал
И шёл с утёса на утёс.
Слепой, я шёл, пока
Меня свободы ветер двигал
И бил косым дождём...
Я понял, что я никем не видим,
Что нужно сеять очи,
Что должен сеятель очей идти!
“Одиноким лицеведем”*

Самую же полную картину своего пребывания в Иране Хлебников оставил именно в поэме “Труба Гуль-Муллы”, где представил самого себя в образе “священника цветов”, пророка, странника, который становится своим среди персиян:

*“Наш!” — сказали священники гор.
“Наш!” — запели цветы!..*

*“Наш!” — запели дубравы и рощи...
Только “мой” не сказала
Дева Ирана.*

Поэт, описывая удивительную страну, “где все люди Адамы”, радуется, что “в этой стране я.” Ему хочется быть “зелёным знаменем пророка”, бродить, как дервиш, по просторам страны, ощущать безвозмездную поддержку местных жителей:

*Из Энзели мы едем в Казьян.
Я счастье даю? Почему так охотно возят меня?
Нету почётнее в Персии
Быть Гуль-муллой,
Казначеем чернил золотых у весны.*

Поэта прельщает его новая роль и слияние с удивительным миром:

*Сегодня я в гостях у моря.
Скатерть широка песчаная.
Собака поодаль.
Ищем. Грызём.
Смотрим друг на друга.
Обедал икрою и мелкой рыбёшкой.
Хорошо! Хуже в гостях у людей!
Из-за забора: “Урус дервиш, дервиш урус!” —
Десятки раз крикнул мне мальчик.*

Серебряному веку, сыном которого был и Хлебников, вообще было созвучно чувство “всеобщего единства мира”, свойственное восточной культуре. Хлебников пытался рисовать в своих трудах фантастическую картину будущего, когда человечество осознает, наконец, своё единство и совершит “постепенную сдачу власти звёздному небу”, и “персидский ковёр имён, государств да сменится лучом человечества”.

Немного позднее великий русский учёный В. И. Вернадский, создавший учение о ноосфере, учение о единстве на планете всего живого и неживого, в том числе всех народов, выпишет целую подборку строк из Омара Хайяма, поясняя ими то чувство “единства мира”, которым пронизана мистическая поэзия Востока:

*Этот луч красою нежной
Нынче взоры наши манит.
Нежной травкой будет прах наш,
Чьей она отрадой станет?
На лугу зелёный стебель
Не топчи небрежно.
Знай: из праха щёк-тюльпанов
Он развился нежно.*

Словно заповедь на века звучат сегодня слова Вернадского о единстве всех людей и народов как о незыблемом законе природы. Идея всеединства, естественная для восточного сознания, была осознана и принята Серебряным веком в лице главных его творцов, в числе которых был и Хлебников, а затем получила своё развитие в учении Вернадского. Пожалуй, Хлебников, как никто из русских поэтов, сумел не только понять неведомый и загадочный мир Востока в его иранской ипостаси, но и вжиться в него, почувствовав на себе самом, что такое для русского человека иная цивилизация под названием Персия. И этот опыт занял достойное место в ряду творческих открытий поэта, которому во многом суждено было определить будущие пути развития русской литературы, ведь он не только творил свои “заумные стихи”, но и создавал естественно-научные, филологические, математические и философские труды, был прекрасным художником-рисовальщиком.

Многие из прозрений Хлебникова казались когда-то утопиями, но сегодня поражают своей точностью: он смело рассуждал о связи времени и пространства, о цикличности исторических процессов, о влиянии лунных и солнечных циклов на человеческое бытие, о скрытых математических кодах истории, о закономерностях расселения народов в Европе, о судьбах языка, о грядущем развитии России и мира и даже технических новшествах, которые перевернут мир. Опережая время, поэт называл себя и “вечным узником созвучия”, и “других миров ребёнком”, и “будетлянином” — от слова “будет”. “От него пахнет святостью”, — сказал как-то о Хлебникове В. Иванов, а В. Маяковский написал в некрологе поэту: “Его биография — пример поэтам и укор поэтическим дельцам... Считаю долгом чёрным по белому напечатать от своего имени и, не сомневаюсь, от имени моих друзей... что считали его и считаем одним из наших поэтических учителей и великолепнейшим и честнейшим рыцарем в нашей поэтической борьбе”.

Об огромном духовном влиянии Хлебникова писали позднее многие поэты. И не случайно подчёркивали именно странническую суть творчества Хлебникова, его одержимость постижением мировых пространств и, в первую очередь, Востока. Даниил Андреев сказал об этом лучше других:

*Тавриз, Баку, Москва, Царицын
Выплёвывают оборванца
В бездомье, в путь, в вагон, к станциям,
Где ветер дикарский кружит в танце,
Где расы крепили на просторе:
Там, от азийских плоскогорий,
Снегов колебля бахромю,
Несутся демоны к нему.
Сквозь гик шаманов, бубны, кольца,
Всё перепутав, ловит око
Толпу грядущих богомольцев
К святыням вечногo Востока.
Как феникс русского пожара,
ПРАВИТЕЛЕМ ЗЕМНОГО ШАРА
Он призван стать — по воле рока!*

Побывав в Персии почти ровно через сто лет после открытия её Грибоедовым, Хлебников как бы завершил вековой круг познания этой страны и Востока в целом, который был предначертан русским поэтам на ветрах времени. И он ещё раз доказал, что “всемирная отзывчивость” русского человека — это не выдумка писателей и философов, а глубинная особенность народного духа, который всегда воплощали и воплощают в себе, прежде всего, поэты. Превратившись в дервиша, поэт, как никто другой, смог слиться воедино с миром Востока и отразить потом это слияние в своих творениях. И совсем не случайно на надгробии Велимира Хлебникова на Новодевичьем кладбище в Москве установлена древняя “каменная баба” с явными тюркскими чертами, которую с большим трудом разыскали поклонники поэта. Так и спит “русский дервиш” почти в центре Москвы, а над ним застыл в образе “каменного изваяния” древний Восток...